

АРТУР
КОНАН ДОЙЛ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ЗНАТНОГО ХОЛОСТЯКА

Шерлок Холмс ведет дело только что женившегося знатного лорда. Его новоиспеченная жена — милая и обаятельная богатая наследница. Но куда она пропала сразу после бракосочетания? В сборник включены 4 захватывающих приключенческих истории.

«— Ах, Ватсон, — сказал Холмс с улыбкой, — быть может, и вы поутратили бы любезные манеры, если бы после всех беспокойств с ухаживанием и бракосочетанием вы обнаружили бы, что лишились и жены, и огромного состояния».

Артур Конан Дойл

**Приключение знатного
холостяка (сборник)**

«ЭКСМО»

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Дойл А.

Приключение знатного холостяка (сборник) / А. Дойл —
«Эксмо»,

ISBN 978-5-699-92535-3

Истории о загадочных преступлениях, раскрыть которые способен только гениальный сыщик Шерлок Холмс. Дела всё запутаннее и опаснее, к чему же приведут расследования? В книге — рассказы А. Конан Дойла из разных сборников.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-92535-3

© Дойл А.
© Эксмо

Содержание

Приключение с львиной гривой	5
Приключение с установлением личности	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Артур Конан Дойл

Приключение знатного холостяка

Приключение с львиной гривой

Как ни удивительно, но проблема, бесспорно, по загадочности и необычности не уступающая самым сложным, с какими мне довелось столкнуться на протяжении моей долгой профессиональной карьеры, не только представилась мне после моего ухода на покой, но и, так сказать, оказалась у самого моего порога. Произошло это после того, как я затворился в моем сассекском домике и всецело отдался той умиротворяющей жизни на лоне Природы, о которой я так часто жаждал думать в долгие годы, проведенные в мрачном сумраке Лондона. В этот период моей жизни добрый Ватсон почти исчез из нее. Изредка он приезжал на субботу-воскресенье, но больше мы не виделись. И потому мне приходилось самому быть своим летописцем. А! Будь он со мной, как он живописал бы столь примечательный случай и мое победное преодоление всех трудностей! Ничего не поделаешь, придется мне самому рассказать эту историю в моей безыскусной манере, собственными словами описывая каждый мой шаг на трудном пути разгадки тайны Львиной Гривы.

Моя вилла расположена на южном склоне Даунсов, откуда открывается великолепный вид на Ла-Манш. Берег в этих местах состоит из меловых обрывов, и спуститься к воде можно по единственной петляющей тропе, крутой и скользкой. Даже в час полного прилива она приводит к сотням ярдов мелких камней и гальки. Там и сям, однако, виднеются озерца и заводи, словно созданные для пловцов, и вода в них меняется с каждым приливом. Этот чудесный пляж простирается на несколько миль и вправо и влево, и лишь в одном месте его разделяет маленькая бухта с деревушкой Фулуорт над ней.

Мой дом стоит в стороне. Я, моя старая экономка и мои пчелы имеем все вокруг в нашем полном распоряжении. Однако в полумиле находится пользующееся широкой известностью училище Гарольда Стэкхерста «Фронтон», внушительное заведение, в котором около двадцати юношей проходят подготовку к занятию разными профессиями под руководством нескольких учителей. Сам Стэкхерст в свои университетские годы отличался в гребле и был разносторонним эрудитом. Мы с ним сошлись, едва я поселился там, и причем так близко, что без приглашения заходили друг к другу скоротать вечерок.

К концу июля 1907 года разразился свирепый шторм. Ветер с Ла-Манша гнал валы к подножью обрывов, и с начала отлива там образовалась большая лагуна. Утром, о котором идет речь, ветер стих, и вся омытая Природа дышала свежестью. Работать в такую восхитительную погоду было невозможно, и перед завтраком я вышел подышать пьянящим воздухом. Я направился по тропе к крутому спуску на пляж. Внезапно меня окликнули сзади, и, обернувшись, я увидел Гарольда Стэкхерста, который весело махал мне рукой.

– Какое утро, мистер Холмс! Я так и знал, что вы пойдете погулять.

– Как вижу, вы собираетесь поплавать.

– Взялись за свои старые штучки, – засмеялся он, похлопывая туго набитый карман. – Да. Макферсон вышел пораньше, и, думаю, найду его там.

Фицрой Макферсон преподавал естественные науки, достойнейший молодой человек, чья жизнь была погублена сердечной слабостью, следствием ревматической лихорадки. Однако он был прирожденным атлетом и отличался во всех играх, которые не требовали слишком напряженных усилий. Летом и зимой он спускался поплавать, и я, сам любитель плавания, часто присоединялся к нему.

В эту минуту мы увидели самого Макферсона. Его голова возникла над краем обрыва у начала тропы. Затем вся его фигура. Он пошатнулся, будто пьяный. В следующую секунду он вскинул руки и с жутким воплем упал ничком. Мы с Стэкхерстом бросились к нему – до него было ярдов пятьдесят – и перевернули его на спину. Было ясно, что он умирает. Остекленные провалившиеся глаза, свинцовое лицо неумолимо свидетельствовали об этом. На мгновение проблеск жизни осветил его лицо, и он пробормотал два-три слова, видимо, предостережения. Невнятные, еле слышные, но мне почудилось, что последние, сорвавшиеся с его губ, были «львиная грива». Абсолютно неуместные и неудобопонятные, но никак иначе я не мог их истолковать. Затем он приподнялся, взмахнул руками и рухнул на бок. Он был мертв.

Мой спутник был парализован внезапностью и ужасом случившегося, но я, как легко себе представить, весь насторожился. И не напрасно. Сразу же стало ясно, что мы столкнулись с чем-то экстраординарным. На нем были только габардиновый плащ, брюки и не зашнурованные парусиновые башмаки. Когда он упал, плащ, просто наброшенный на плечи, соскользнул, обнажив его торс. Мы в ошеломлении уставились на его спину, всю в узких багровых полосках, будто его страшным образом высекли бичом из тонкой проволоки. Бич, которым производилась эта порка, был несомненно очень гибким, так как опухшие рубцы загибались на плечи и грудную клетку. По его подбородку ползли капли крови – в мучительной агонии он прокусил нижнюю губу. Искраженное лицо и запавшие щеки свидетельствовали, какой неимоверной была эта агония.

Я опустил на колени возле трупа, а Стэкхерст стоял рядом, когда на нас упала тень, и мы увидели, что к нам подошел Йен Мэрдок, преподаватель математики в училище, высокий худой брюнет, настолько молчаливый и замкнутый, что, казалось, у него вообще не было друзей. Он словно обитал в некой возвышенной сфере иррациональных чисел и конических сечений, почти не соприкасаясь с обычной жизнью. Ученики считали его ненормальным, и он стал бы мишенью насмешек, однако в его жилах явно чувствовалась примесь какой-то экзотической южной крови, о чем свидетельствовали не только угольно-черные глаза и смуглость, но и вспышки раздражения, которые нельзя было иначе назвать, кроме как бешеными. Как-то раз, когда ему докучала собачка Макферсона, он схватил ее и швырнул в зеркальное стекло окна, за что Стэкхерст, несомненно, уволил бы его, не будь он столь ценим как преподаватель. Вот каким был странный эксцентричный человек, который теперь подошел к нам. Он словно был искренне ошеломлен открывшимся ему зрелищем, хотя история с собачкой могла указывать, что между ним и умершим особой симпатии не существовало.

– Бедняга! Бедняга! Что я могу сделать? Как помочь?

– Вы были с ним? И знаете, что произошло?

– Нет-нет. Сегодня утром я припозднился и вообще на пляж не спускался. Я пришел прямо из «Фронтон». Чем я могу помочь?

– Вы можете поспешить в полицейский участок в Фулуорте, чтобы незамедлительно сообщить о случившемся.

Не говоря ни слова, он побежал со всей быстротой, на какую был способен, я же взялся за дело, а Стэкхерст, все еще в глубоком ошеломлении, оставался возле покойника. Для начала, разумеется, мне необходимо было выяснить, кто еще находился на пляже. Сверху, у начала тропы, он был виден весь абсолютно безлюдный, только вдали две-три темные фигуры, направлявшиеся в сторону деревни Фулуорт.

Покончив с этим к своему удовлетворению, я медленно пошел вниз по тропе. К мелу примешивалась мягкая глина, и кое-где я видел отпечатки одних и тех же следов как поднимающихся, так и спускающихся. В это утро по тропе больше никто на пляж не спускался. В одном месте я обнаружил отпечаток ладони с пальцами, обращенными вниз. Это могло означать лишь одно: бедняга Макферсон, взбираясь, упал. А круглые углубления свидетельствовали, что он не раз падал на колени. У подножья тропы отлив оставил обширную лагуну. На

ее краю Макферсон разделся, поскольку на камне лежало его полотенце, сложенное и сухое. То есть создавалось впечатление, что в воду он все-таки не входил. Раза два, осматривая пляж вокруг, я наткнулся среди гальки на песчаные прогалинки с отпечатками как подошвы его парусинового башмака, так и его босой ноги. Последнее свидетельствовало, что он совсем пригнулся, но полотенце указывало, что в воду он так и не вошел.

Теперь проблема определилась четко – не уступающая в странности ни единой из всех, с какими мне приходилось сталкиваться. Макферсон пробыл на пляже никак не более четверти часа. Стэкхерст вышел из «Фронтон» следом за ним, так что тут сомнений никаких быть не могло. Он намеревался искупаться и разделся, как свидетельствуют отпечатки босых ног. Затем внезапно он вновь натянул свою одежду, причем кое-как, не застегивая, – и вернулся вверх, не искупавшись или, во всяком случае, не вытираясь. Причиной же перемены его намерения стало то, что его бичевали свирепым, бесчеловечным образом, пытали так, что в агонии он прокусил себе губу, а затем бросили, когда силы у него хватило, чтобы добраться до верха и там умереть. Кто совершил это варварское преступление? Правда, в подножье обрывов имелись ниши и пещерки, но восходящее солнце светило прямо в них, и укрыться там было нельзя. Фигуры на пляже в отдалении? Казалось, они находились слишком далеко, чтобы иметь касательство к преступлению. А широкая лагуна, в которой намеревался искупаться Макферсон, находилась между ним и ими, накатывая волны на подножье обрыва. В море неподалеку маячили два-три рыбачьих баркаса. Этих рыбаков, видимо, придется допросить попозже. Направлений для расследования было несколько, но ни одно не вело к сколько-нибудь определенной цели.

Когда я наконец вернулся к телу, вокруг уже собралось несколько случайных прохожих. Стэкхерст, разумеется, по-прежнему оставался там, и как раз подошел Йен Мэрдок с Андерсоном, деревенским констеблем, дюжим, с огненно-рыжими усами, принадлежащим к тому типу медлительных солидных сассексцев, чья тяжеловесная молчаливость прячет немалую толику здравого смысла. Он внимательно выслушал все, что мы рассказали, делая заметки, и наконец отвел меня в сторону.

– Я буду рад вашему совету, мистер Холмс. Мне такое дело не очень по плечу, а начальство в Льюисе меня не помилует, если я напутаю.

Я порекомендовал ему тут же послать за его непосредственным начальником и доктором, а также обеспечить, чтобы до их приезда тут ничего не трогали и как меньше новых следов оставлялось бы на пляже. Тем временем я обыскал карманы покойника, обнаружив носовой платок, большой нож и футлярчик для визитных карточек. Из него торчал листок бумаги, который я развернул и отдал констеблю. Женским нечетким почерком на листке было написано: «Буду там, можешь не сомневаться. Модии». Несомненно любовная интрижка, свидание, но когда и где, оставалось неизвестным. Констебль убрал листок в футлярчик, который вместе с ножом и платком вернул в карман плаща. Затем, поскольку делать там ничего не оставалось, я вернулся домой позавтракать, предварительно обеспечив исчерпывающий обыск подножия утесов.

Часа через два пришел Стэкхерст и сообщил мне, что тело доставлено в «Фронтон», где будет проведено дознание. У него были и некоторые другие важные новости. Как я и ожидал, в пещерках внизу обрыва ничего найдено не было, но он просмотрел бумажки в столе Макферсона, среди которых оказались интимные письма некой мисс Мод Беллами из Фулуорта. То есть мы теперь знали, кем была написана записка.

– Письма в полицию, – объяснил он, – и я не мог их принести. Но, без всяких сомнений, это не было простой интрижкой. Хотя я не нахожу никакой связи с ужасной трагедией, если не придраться к тому, что барышня назначила ему свидание.

– Но вряд ли у лагуны, куда вы все ходите купаться, – заметил я.

– Чистая случайность, что с Макферсоном не было студентов.

– Действительно ли случайность?

Стэкхерст сдвинул брови, задумавшись.

– Йен Мэрдок задержал их, – сказал он. – Потребовал разбора какого-то алгебраического примера перед завтраком. Бедняга, все это его просто сокрушило.

– Однако, насколько я понял, друзьями они не были.

– Да, одно время. Но год назад, если не больше, Мэрдок настолько близко сошелся с Макферсоном, насколько это возможно при его характере, отнюдь не самом уживчивом.

– Я так его себе и представлял. Помнится, вы мне что-то говорили о ссоре из-за дурного обращения с собакой.

– Она благополучно уладились.

– Но, быть может, оставила желание поквитаться.

– Нет-нет. Я уверен, они стали настоящими друзьями.

– Ну, в таком случае следует заняться девушкой. Вы ее знаете?

– Ее все знают. Местная красавица – подлинная красавица, Холмс, и привлекла бы к себе внимание где угодно. Я знал, что Макферсон был в нее влюблен, хотя понятия не имел, что дело зашло настолько далеко, насколько указывают эти письма.

– Но кто она?

– Дочь старого Тома Беллами, владельца всех прогулочных лодок и купален на колесах в Фулуорте. Поначалу он был рыбаком, но теперь стал довольно состоятельным человеком. Делом он управляет вместе с сыном Уильямом.

– Не сходить ли нам в Фулуорт поговорить с ними?

– Под каким предлогом?

– О, найти предлог нетрудно. В конце-то концов, несчастный не сам так себя пытал. Какая-то человеческая рука сжимала рукоятку бича, если действительно полосы эти оставил бич. Круг его знакомых в таком захолустье по необходимости был ограничен. Так исследуем этот круг по всем направлениям, и, конечно же, мы сумеем обнаружить мотив, который приведет нас к преступнику.

Прогулка по благоухающим тмином холмам могла бы показаться очень приятной, если бы наши мысли не были отравлены ужасной трагедией, которой мы оказались свидетелями. Деревня Фулуорт расположена в ложбине, полумесяцем охватывающей бухту. Позади старинной деревушки на склоне виднелись дома современной постройки. Стэкхерст повел меня к одному из них.

– Вон «Гавань» – название, выбранное Беллами. Дом с угловой башенкой и шиферной крышей неплох для человека, который начал с пустого места... Черт возьми, только поглядите!

Калитка «Гавани» открылась, и из нее вышел мужчина. Не узнать эту высокую угловатую нескладную фигуру было невозможно: Йен Мэрдок, математик. Секунду спустя он оказался перед нами на дороге.

– О-о! – сказал Стэкхерст. Мэрдок кивнул, искоса взглянув на нас этими странными темными глазами, и прошел бы мимо, но директор схватил его за рукав.

– Что вы там делали? – спросил он.

Лицо Мэрдока вспыхнуло от гнева:

– Я ваш подчиненный, сэр, под вашим кровом. Но я не знал, что обязан отчитываться перед вами в моих личных делах.

Нервы Стэкхерста были перенатянуты после всего, что ему пришлось вынести, иначе, пожалуй, он сдержался бы. Но теперь он рассвирепел:

– В данных обстоятельствах ваш ответ – чистейшая наглость, мистер Мэрдок.

– Ваш вопрос, возможно, подходит под то же определение.

– Я не раз спускал вам ваши дерзости. Но эта будет последней. Будьте любезны заняться устройством своего будущего как можно быстрее.

– Я так и намеревался. Сегодня я лишился единственного, кто делал жизнь в «Фронтоне» терпимой.

Он широким шагом продолжил свой путь, а Стэкхерст провожал его яростным взглядом.

– Невозможный, невыносимый человек! – вскричал он.

Моим же главным впечатлением было то, что мистер Йен Мэрдок воспользовался первым случаем, чтобы открыть себе возможность елико быстрее исчезнуть с места преступления. Подозрение, смутное, туманное, теперь начало обретать большую четкость в моем уме.

Возможно, посещение Беллами могло бросить дальнейший свет на дело. Стэкхерст справился с собой, и мы направились к дому.

Мистер Беллами, мужчина средних лет с огненно-рыжей бородой, казалось, пребывал в самом дурном настроении, и вскоре цвет его лица мог потягаться с бородой.

– Нет, сэр. Никаких подробностей я слышать не желаю. Мой сын, – он кивнул на могучего сложения молодого человека с мясистым насупленным лицом в углу гостиной, – согласен со мной, что ухаживания Макферсона за Мод были оскорбительны. Да, сэр, слово «брак» никогда не произносилось, и все-таки были письма, встречи и еще всякое, чего мы никак одобрить не могли. Матери у нее нет, и мы единственные, кто ее бережет. Мы твердо решили...

Но его заставило умолкнуть появление самой барышни. Бесспорно, она украсила бы любое общество в мире. Кто подумал бы, что такой редкий цветок вырос из подобного корня и в подобной атмосфере? Женщины редко меня привлекали, так как моим сердцем всегда управлял мозг. Но, увидев ее медально-безупречное лицо со всей свежестью Даунсов в нежном румянце, я не мог не признать, что никакой молодой человек, повстречав ее, не мог бы остаться равнодушным. Такова была девушка, которая остановилась теперь перед Гарольдом Стэкхерстом, напряженно глядя на него широко открытыми глазами.

– Я уже знаю, что Фицрой погиб, – сказала она. – Не бойтесь рассказать мне подробности.

– Нам сказал про это другой ваш джентльмен, – объяснил ее отец.

– Незачем втягивать в это мою сестру, – буркнул молодой человек.

Сестра бросила на него испепеляющий взгляд:

– Это мое дело, Уильям. Будь добр не вмешиваться. Судя по всему, совершенно преступление. Если в моих силах помочь обличить виновника, то я сделаю это хотя бы в память того, кого больше нет.

Пока она слушала краткий рассказ моего спутника, ее лицо сохраняло спокойствие, показавшее мне, что сила ее характера не уступает красоте. Мод Беллами навсегда останется в моей памяти как самый совершенный идеал женщины. Оказалось, что она знала меня в лицо, так как теперь обратилась прямо ко мне:

– Доставьте их в руки правосудия, мистер Холмс. Можете положиться на мое содействие, кем бы они ни оказались. – Мне показалось, что при этих словах она посмотрела на отца и брата с вызовом.

– Благодарю вас, – сказал я. – В подобных случаях я высоко ценю женский инстинкт. Вы употребили слово «они». Вы полагаете, тут замешан не один человек?

– Я достаточно хорошо знала мистера Макферсона и видела, что его мужество не уступает его силе. Один человек никак не мог расправиться с ним столь жестоко.

– Нельзя ли мне побеседовать с вами с глазу на глаз?

– Говорят тебе, Мод, не впутывайся в это дело! – сердито крикнул ее отец.

Она беспомощно посмотрела на меня:

– Что я могу?

– Факты незамедлительно станут известны всему свету, поэтому не будет никакого вреда, – сказал я, – если мы разберемся в них тут же. Я предпочел бы поговорить с вами наедине, но раз ваш отец отказывается допустить это, он может участвовать в нашем разговоре. – Тут я заговорил о записке, обнаруженной в кармане погибшего. – Ее, несомненно, представят на следственном суде. Вы не будете против, если я попрошу вас пролить свет на ее содержание?

– Не вижу причин делать из этого тайны, – ответила она. – Мы были помолвлены и хранили это в секрете лишь потому, что дядя Фицроя, глубокий старик, доживающий, как говорят, последние дни, мог бы лишиться его наследства, женись он без его одобрения. Вот единственная причина.

– Могла бы и рассказать нам, – проворчал мистер Беллами.

– И рассказала бы, отец, поинтересуйтесь вы по-хорошему.

– Я против того, чтобы моя дочь якшалась с мужчинами другого сословия.

– Именно твое предубеждение против него и мешало нам открыться тебе. А что до записки, так она ответ вот на эту.

Из кармана платья она извлекла смятый листок.

«ЛЮБИМАЯ!

Обычное место на пляже сразу после заката во вторник. Единственное время, когда я сумею выбраться. Ф. М.».

– Сегодня вторник, и я собиралась встретиться с ним вечером.

Я оглядел записку.

– Ее прислали не по почте. Как вы ее получили?

– Я предпочту не отвечать на этот вопрос. Никакого касательства к тому, что вы расследуете, это не имеет. Но на любые, так или иначе с ним связанные, готова ответить со всей откровенностью.

Слово она сдержала, но ничего полезного сказать не нашла. У нее не было причин думать, что у ее fiancé¹ был тайный враг, хотя не отрицала, что у нее есть пылкие поклонники.

– Могу ли я спросить, не входит ли в их число мистер Йен Мэрдок?

Она порозовела и как будто смутилась.

– Одно время мне так казалось. Но все изменилось, когда он узнал о наших отношениях с Фицроем.

Тень, сгушавшаяся вокруг этого странного человека, обрела, на мой взгляд, большую определенность. Требовалось исследовать его прошлое, следовало незаметно обыскать его комнаты. Стэкхерст охотно мне содействовал, так как то же подозрение возникло и у него. Мы покинули «Гавань» в надежде, что конец одной нити этого запутанного клубка уже в наших руках.

Прошла неделя. Следственный суд ничего не установил и был отсрочен до обнаружения новых улик. Стэкхерст навел тактичные справки о своем подчиненном, его комнату подвергли поверхностному обыску, но безрезультатно. Сам я вновь обследовал и физически, и аналитически все обстоятельства, но без каких-либо новых выводов. Во всех моих анналах читателям не найти дела, которое поставило бы меня настолько в тупик. Даже мое воображение было неспособно предложить хоть что-то похожее на объяснение. А затем последовало происшествие с собакой.

---

¹ Жених (фр.).

Услышала про него моя старая экономка по тому таинственному беспроволочному телеграфу, по которому люди, ей подобные, узнают деревенские новости.

– Такая грустная история, сэр, про собачку мистера Макферсона, – сказала она как-то вечером.

Я не поощряю подобные разговоры, но ее слова привлекли мое внимание.

– Так что с собакой Макферсона?

– Да померла, сэр. Померла с горя.

– Кто вам это сказал?

– Так, сэр, все только об этом и говорят. Она померла. Ужаси, как тосковала. Недельку ничего не ела. А нынче два молодых джентльмена из «Фронтон» нашли ее сдохшую. Внизу на пляже, сэр, на том самом месте, где ее хозяин помер.

«На том самом месте». Слова эти сразу запечатлелись в моей памяти. Смутная убежденность, что это сугубо важно, шевельнулась в моем сознании. То, что собака умерла, соответствовало прекрасной преданной собачьей натуре. Но «на том же месте»? Почему этот пустынный пляж оказался для нее роковым? Возможно ли, что и она стала жертвой какой-то жестокой вендетты? Возможно ли...

Да, убежденность была смутной, но уже что-то складывалось у меня в уме. Через несколько минут я был на пути в «Фронтон», где нашел Стэкхерста у него в кабинете. По моей просьбе он послал за Сандбери и Блаунтом, теми двумя студентами, которые нашли собаку.

– Да, она лежала на самом краю лагуны, – сказал один. – Наверное, пошла по следу своего покойного хозяина.

Верный песик, эрдельтерьер, лежал на половичке в холле. Тельце окостенело, глаза выпучились, а ноги застыли в судороге. Все свидетельствовало о мучительной агонии.

Из «Фронтон» я направился вниз к заводу, облюбованной купальщиками. Солнце уже зашло, и тень, черная тень колоссального обрыва легла на воду, тускло поблескивающую, будто лист свинца. Нигде никого, только две морские птицы кружили и кричали вверх. В угасающем свете я кое-как различил следы собачки на песке вокруг того самого камня, на котором тогда лежало полотенце ее хозяина. Я долго стоял, размышляя, а тени вокруг все более сгущались. Мысли вихрем кружились у меня в голове. Вы знаете, как это бывает в кошмаре, когда чувствуешь, что ты ищешь невероятно важный факт, что вот-вот узнаешь его, но он так и остается недостижимым. Вот что я ощущал в тот вечер, когда стоял в одиночестве на этом месте смерти. Наконец я повернулся и медленно пошел домой.

Я только-только поднялся к краю обрыва, когда меня внезапно осенило. Будто вспыхнула молния, и я вспомнил то, чего так настойчиво и тщетно искал в памяти. Вам известно – или Ватсон старался напрасно, – что я храню колоссальный запас всевозможных сведений, не приведенных ни в какую научную систему, но всегда наготове для нужд моей работы. Мой ум подобен кладовой, набитой коробками со всякой всячиной в таком изобилии, что я толком не помню их содержимого. Я знал, что там было что-то, возможно, касающееся этого дела. По-прежнему смутное, но, по крайней мере, я знал, чего искать. Это было чудовищным, невероятным, и все же не исключалось. И я досконально это проверю.

В моем маленьком доме есть большой чердак, битком набитый книгами. Вот туда-то я устремился и более часа рылся в них. По завершении этого времени я спустился с серебряно-шоколадным томиком в руке. Нетерпеливо отыскал главу, о которой хранил смутное воспоминание. Да, это действительно было взятое с потолка и маловероятное предположение. Тем не менее я не мог успокоиться, пока не удостоверюсь, так ли это или не так. Был поздний час, когда я лег спать, с нетерпением ожидая завтрашних трудов.

Однако утро принесло досадную помеху. Я как раз допил раннюю утреннюю чашку чая и собрался пойти на пляж, когда меня посетил инспектор Бардл из полиции Сассекса – урав-

новешенный, солидный, бычьего склада человек с вдумчивыми глазами, которые смотрели на меня сейчас очень встревоженно.

– Мне известен ваш огромный опыт, сэр, – сказал он. – Это абсолютно неофициально, разумеется, и останется без упоминаний. Но с этим делом Макферсона я в полном тупике. Вопрос в том, следует ли мне произвести арест или нет.

– Мистера Йена Мэрдока, я полагаю?

– Да, сэр. Если подумать, ведь никого другого просто нет. В этом преимущество здешнего безлюдья. Наш выбор крайне невелик. Если не он, так кто?

– Что у вас есть против него?

Он прошелся по тем же бороздам, что и я. Характер Мэрдока и какая-то тайна, словно его окутывающая. Взрывы ярости, как в происшествии с собакой. Тот факт, что он ссорился с Макферсоном в прошлом, и есть причина полагать, что ему могли претить ухаживания того за мисс Беллами. Инспектор собрал все мои пункты, но лишь один сверх них. Мэрдок как будто занят приготовлениями к отъезду.

– В каком я окажусь положении, если позволю ему ускользнуть при стольких уликах против него?

Этот тяжеловесный флегматик был встревожен до чрезвычайности.

– Учтите, – сказал я, – все существенные пробелы в ваших уликах. На утро преступления у него, конечно, есть алиби. До последней минуты он был со своими учениками и всего через несколько минут после появления Макферсона подошел к нам сзади. Учтите также абсолютную невозможность того, чтобы он в одиночку мог так зверски расправиться с человеком, таким же сильным, как он сам. И, наконец, встает вопрос об оружии, которым были нанесены эти повреждения.

– Но ведь это могла быть только плетка-треххвостка либо бич, очень гибкий тонкий бич, не так ли?

– Вы осмотрели рубцы? – спросил я.

– Я их видел. Как и доктор.

– Но я исследовал их очень тщательно при помощи лупы. У них есть особенности.

– Какие, мистер Холмс?

Я подошел к моему бюро и достал увеличенную фотографию.

– Таков мой метод в подобных случаях, – объяснил я.

– Да, мистер Холмс, вы, бесспорно, на редкость дотошны.

– Иначе я вряд ли стал бы тем, кто я есть. А теперь давайте поглядим на этот рубец, опоясавший правое плечо. Вы не замечаете чего-либо необычного?

– Да нет.

– Но ведь совершенно очевидно, что он неравномерен по своей вздутости. Вот тут пятнышко крови, просочившейся из капилляра в мышечную ткань. И еще одно там. И такие же симптомы в другом рубце пониже, вот здесь. Что это может значить?

– Не представляю себе. А вы?

– Быть может, да, быть может, нет. Вскоре я смогу сказать побольше. Любая деталь, которая укажет, что именно могло оставить подобные рубцы, намного приблизит нас к изобличению преступника.

– Эта идея, возможно, абсурдна, – сказал инспектор. – Но если к спине была прижата раскаленная проволочная сетка, то эти выделяющиеся точки указывают места, где ячеи сплелись.

– Весьма остроумное уподобление. Или, скажем, очень жесткая девятихвостка с твердыми узелками.

– Черт возьми, мистер Холмс, думаю, вы попали в точку!

– Или, возможно, причина окажется совсем иной, мистер Бардл. Ваши улики слишком слабы для ареста. А кроме того, мы имеем эти последние слова – «львиная грива».

– Я прикидывал, не могло ли это быть «Йен...».

– Да, я это взвешивал. Имей второе слово хоть какое-то созвучие с «Мэрдок»... Но ведь нет. Это был почти вопль. Нет, я уверен, это была «грива».

– И альтернативы у вас нет, мистер Холмс?

– Не исключено. Но я предпочту не обсуждать ее, пока для обсуждения нет чего-либо более определенного.

– И когда же это будет?

– Через час или раньше.

Инспектор потер подбородок и посмотрел на меня с сомнением в глазах:

– Хотел бы я знать, что у вас на уме, мистер Холмс. Не рыбачьи ли баркасы?

– Нет-нет! Они находились слишком далеко.

– Ну, значит, это Беллами и его силач-сынок? Они не слишком жаловали мистера Макферсона. Не могли ли они расправиться с ним?

– Нет-нет, вы из меня ничего не вытяните, пока я не буду готов, – сказал я с улыбкой. – А теперь, инспектор, нас обоих ведь ждут свои дела. Пожалуй, если бы вы встретились здесь со мной ближе к вечеру...

Тут нас внезапно и сокрушительно прервали, что явилось началом конца.

Моя входная дверь распахнулась, в коридоре послышались спотыкающиеся шаги, и в комнату, шатаясь, вошел Йен Мэрдок, бледный, растрепанный, одежда в диком беспорядке. Сведенными судорогой руками он цеплялся за мебель, чтобы не упасть.

– Бренди, бренди! – еле выговорил он и со стоном рухнул на кушетку.

Следом за ним вошел Стэкхерст. Без шляпы, задыхаясь, почти в таком же расстройстве, как и Мэрдок.

– Да-да, бренди! – воскликнул он. – У него не осталось никаких сил. Мне еле удалось дотащить его сюда. По дороге он дважды терял сознание.

Полстопки крепкого алкоголя сотворили чудо. Опираясь на руку, он приподнялся и сбросил плащ с плеч.

– Бога ради, мази, опиума, морфия! – вскричал он. – Что угодно, лишь бы облегчить эту адскую боль!

Мы с инспектором ахнули. Его обнаженные плечи покрывала такая же сеть красных воспаленных рубцов, какая знаменовала смерть Фицроя Макферсона.

Боль, очевидно, была нестерпимой и отнюдь не локальной. Дыхание страдальца внезапно прерывалось, лицо чернело, и, хрипя, он прижимал руку к сердцу, а со лба скатывались капли пота. В любую секунду он мог умереть. Вновь и вновь бренди вливалось ему в горло, и каждая новая доза опять возвращала его к жизни. Ватные тампоны, смоченные оливковым маслом, казалось, смягчали ему боль от таинственных рубцов. Наконец его голова тяжело упала на подушку. Измученная Природа прибегла к последнему запасу жизненных сил. Это был полусон и полубоморок, но по крайней мере он не чувствовал боли.

Расспросить его было невозможно, но едва его состояние нас обнадежило, Стэкхерст обернулся ко мне:

– Бог мой! – вскричал он. – Что это, Холмс? Что это?

– Где вы его нашли?

– На пляже. Точно на том месте, где бедный Макферсон встретил свой конец. Будь его сердце таким же слабым, как у Макферсона, его бы сейчас здесь не было. Пока я тащил его наверх, мне все время казалось, что он уже мертв. До «Фронтон» слишком далеко, вот я и свернул к вам.

– Вы видели его на пляже?

– Я шел вдоль обрыва, когда услышал его крик. Он был у самой воды и шатался будто пьяный. Я сбежал вниз, набросил на него плащ и поволок вверх. Ради всего святого, Холмс, примените все свои таланты и не жалейте усилий, лишь бы снять проклятие с этого места, иначе жизнь здесь станет невыносимой. Неужели вы с вашей всемирной славой ничего не можете сделать для нас?

– Мне кажется, могу, Стэкхерст. Пошли! И вы, инспектор! Поглядим, не удастся ли нам передать этого убийцу в ваши руки.

Оставив бесчувственного страдальца под присмотром моей экономки, мы втроем спустились к смертоносной лагуне. На гальке там кучкой лежали полотенце и одежда Мэрдока. Я медленно зашагал вдоль края воды, мои товарищи гуськом позади меня. Заводь в большей своей части была мелкой, но под обрывом, где пляж был размыв, глубина достигала четырех-пяти футов. Купающийся направился бы именно туда, в заводь чудесной изумрудной прозрачности. Над ней вдоль основания обрыва тянулась цепочка плоских камней. Я пошел по ним, жадно всматриваясь в глубину у моих ног. В самом глубоком и тихом месте мои глаза увидели то, чего ожидали, и я испустил клич торжества.

– Цианея! – воскликнул я. – Цианея! Узрите Львиную Гриву!

Странное нечто, на которое я указывал, действительно походило на клок спутанных волос, вырванных из гривы льва. Оно лежало на каменном выступе примерно футах в трех под водой; колышущееся, вибрирующее волосатое существо с серебристыми проблесками в желтых прядях. Оно медленно пульсировало, тяжело расширяясь и сжимаясь.

– Она натворила достаточно бед, ее дни сочтены! – вскричал я. – Помогите мне, Стэкхерст! Давайте навсегда уничтожим убийцу!

Прямо над подводным уступом лежал большой валун, и мы толкали его, пока с оглушительным всплеском он не рухнул в воду. Когда вода успокоилась, мы увидели, что валун лежит на выступе. Бахрома желтых щупалец подтверждала, что он придавил нашу жертву. Из-под валуна сочилась густая маслянистая пена, грязня воду вокруг, медленно поднимаясь к поверхности.

– Ничего не понимаю! – воскликнул инспектор. – Что это было такое, мистер Холмс? Я родился и вырос в этих местах, но никогда ничего похожего не видел. В Сассексе они не водятся.

– Тем лучше для Сассекса, – заметил я. – Возможно, ее занес сюда юго-западный шторм. Вернемся ко мне, и я ознакомлю вас обоих с ужасом, пережитым человеком, у которого была веская причина запомнить встречу с этим морским чудищем.

Когда мы вошли в мой кабинет, оказалось, что Мэрдок заметно оправился и уже мог сидеть. Сознание его было еще заметно помрачено, и временами он содрогался от приступа боли. Он сбивчиво пробормотал, что ничего не понимает. Его вдруг пронизала невероятная боль, и ему потребовалось все его мужество, чтобы выбраться на берег.

– Вот книга, – сказал я, беря небольшой том, – которая первая пролила свет на то, что могло бы вовеки оставаться темной загадкой. «Под открытым небом» знаменитого наблюдателя Дж. Дж. Вуда, чуть было не погибшего при встрече с этой гнусной тварью. И потому пишет он с полным знанием предмета. *Cyanea Capillata* – таково полное наименование этой преступницы, соприкосновение с которой не менее опасно и куда более болезненно, чем укус кобры. Разрешите, я прочту небольшой отрывок. «Если купающийся увидит округлую растрепанную рыжеватую массу мембран и фибров, что-то вроде очень больших пучков львиной гривы и серебряной фольги, пусть остережется, потому что это жуткий стрекальщик *Cyanea Capillata*».

Можно ли точнее описать нашу зловещую знакомку? Далее он рассказывает, как сам встретился с ней, купаясь у берегов Кента. Он обнаружил, что эта тварь раскидывает почти невидимые щупальца на расстояние в пятьдесят футов, и всякому, кто окажется в этом радиусе от смертоносного центра, грозит смерть.

Даже на расстоянии воздействие на Вуда оказалось почти фатальным. «Многочисленные нити оставляли на коже светло-алые полосы, которые при более тщательном рассмотрении оказывались точками крохотных пузырьков, и каждая точка, так сказать, была раскаленной иглой, вонзающейся в нервы».

Местная боль была, объясняет он, наименьшим слагаемым нестерпимой пытки.

«Спазмы простреливали грудь, и я падал, будто сраженный пулей. Пульс замирал, а затем сердце подпрыгивало шесть-семь раз, словно стремясь вырваться из грудной клетки».

Это чуть его не убило, хотя оказался он под воздействием в бурных волнах океана, а не в тихой купальной заводи. Он говорит, что потом просто не мог узнать себя, таким белым, сморщенным и сузившимся стало его лицо. Он судорожно глотал бренди – выпил целую бутылку, и, видимо, это спасло ему жизнь. Вот книга, инспектор, я даю ее вам, и, разумеется, вы не будете отрицать, что она содержит полное объяснение трагической смерти бедного мистера Макферсона.

– И попутно обеляет меня, – заметил Йен Мэрдок с ироничной улыбкой. – Я не виню вас, инспектор, и вас, мистер Холмс. Ваши подозрения были естественны. Чувствую, что буквально накануне моего ареста я снял с себя подозрения, разделив судьбу моего бедного друга.

– Нет, мистер Мэрдок, я уже напал на след, и если бы я вышел пораньше, как намеревался, то, вероятно, уберег бы вас от этого ужасного испытания.

– Но как вы узнали, мистер Холмс?

– Я всеядный читатель, и странным образом моя память сохраняет заглавия. Эти слова «львиная грива» не выходили у меня из головы. Я знал, что встречал их в каком-то неожиданном контексте. Вы убедились, насколько точно он описывает эту тварь. Я не сомневаюсь, что она плавала в лагуне, когда Макферсон увидел ее, и эти слова были единственным способом, каким он мог предостеречь нас против твари, убившей его.

– Ну, во всяком случае, я обелен, – сказал Мэрдок, медленно встав на ноги. – Однако мне следует дать кое-какие разъяснения, так как я знаю, какое направление приняло ваше расследование. Правда, что я любил эту леди, но с того дня, когда она выбрала моего друга Макферсона, моим единственным желанием было содействовать ее счастью. Мне не стоило труда отступить и стать их наперсником. Я часто служил им почтальоном, и потому, что они доверяли мне, а она так мне дорога, я поспешил сообщить ей о смерти моего друга, чтобы кто-нибудь не опередил меня с грубым безразличием. Она не сказала вам, сэр, опасаясь, что вы не одобрите и я могу пострадать. Но, с вашего разрешения, мне следует попытаться вернуться в «Фронтон». Моя постель – вот самое для меня место сейчас.

Стэкхерст протянул ему руку.

– Нервы у нас у всех были на взводе, – сказал он. – Простите прошлое, Мэрдок. В будущем мы будем понимать друг друга лучше.

Они вышли вместе, дружески под руку. Инспектор продолжал стоять, уставив на меня свои воловь глаза.

– Ну, вы раскрыли это! – вскричал он наконец. – Я читал о вас, но не верил, что подобное возможно. Это замечательно!

Я был вынужден покачать головой. Принять подобную похвалу – значило бы поступиться требованиями к себе.

– Я был чересчур медлителен с самого начала – непростительно медлителен. Если бы тело нашли в воде, я навряд ли допустил бы такую промашку. С толку меня сбило полотенце. Бедняга не подумал о том, чтобы вытереться, и потому я, в свою очередь, пришел к заключению, будто он в воду не входил. Так с какой стати мне могла прийти мысль о какой-либо морской твари? Вот тут-то я и впал в заблуждение. Что же, инспектор, я частенько прохаживался на ваш счет, на счет джентльменов нашей полиции, однако *Cyanea Capillata* чуть было не отомстила за Скотланд-Ярд.

Приключение с установлением личности

– Дорогой мой, – сказал Шерлок Холмс, когда мы удобно расположились у камина в его квартире на Бейкер-стрит, – жизнь куда прихотливее, чем способно нарисовать человеческое воображение. Мы сочли бы странной причудой фантазии то, что всего лишь часть будничного существования. Выпорхни мы рука об руку, закружись над этим великим городом, тихонько приподнимая крыши, чтобы исподтишка понаблюдать непредвиденности, творящиеся там – неожиданные совпадения, хитрые замыслы, недоразумения, поразительные сплетения событий, которые ведут через многие поколения к самым *outré*² следствиям – беллетристика с ее банальностями и такими предсказуемыми концовками выглядела бы в сравнении крайне избитой и ничего не стоящей.

---

² Зд. необычайным (фр.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.